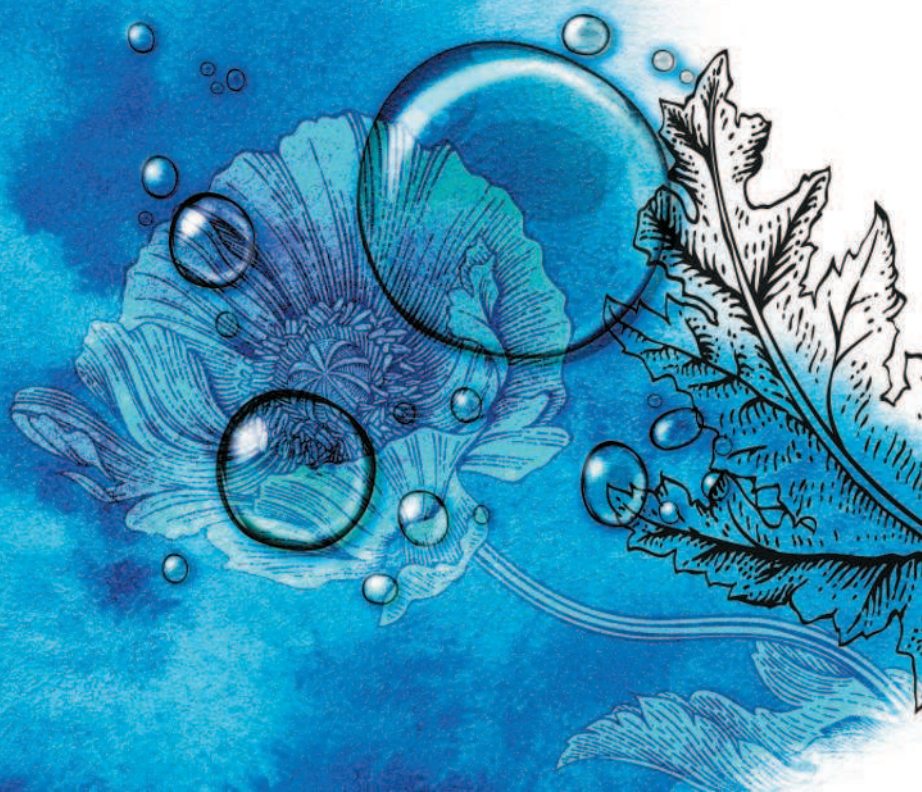

 ЭРА
ЭКСТРАКОРПОРАЛЬ

Вода
и магия

Вилма
Генрих

МАГИЧЕСКИЕ
ТЕКСТЫ
ДЛЯ ГЛУБОКОГО
САМОПОЗНАНИЯ

Издательство АСТ
Москва

УДК 133.4
ББК 86.42
Г34

Все права защищены.

Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена или использована в какой-либо форме, включая электронную, фотокопирование, магнитную запись или иные способы хранения и воспроизведения информации, без предварительного письменного разрешения правообладателя.

Генрих, Вилма.

Г34 Вода и маки. Магические тексты для глубокого самопознания / Вилма Генрих. — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 224 с. — (Эра экстрасенсов).

ISBN 978-5-17-119105-4

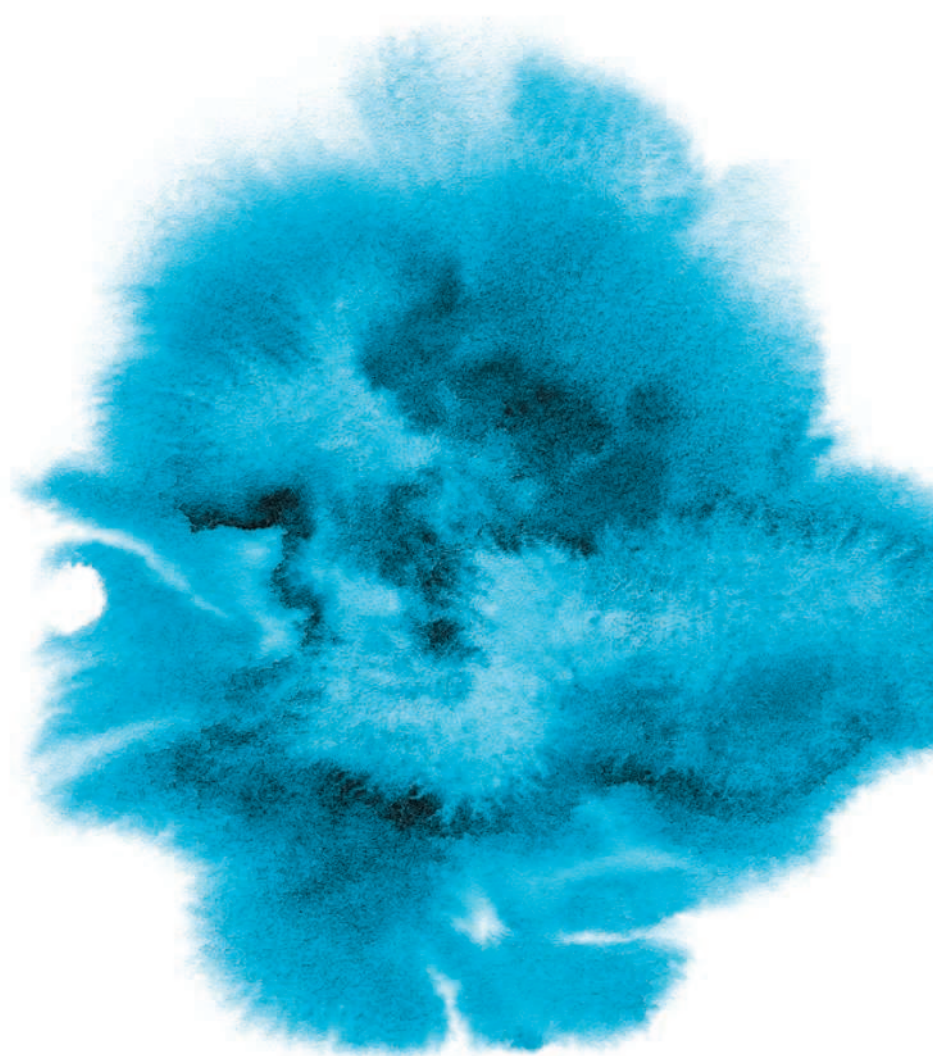
Вилма Генрих — создатель особенных магических пространств, внутри которых можно творить. Внутри этих пространств неиссякаемые источники энергии. Внутри этих пространств возможно все. Попадая туда, ты не просто напитываешься силой, ты получаешь способность реализовать все, что хочешь.

Первая книга Вилмы — это книга-оракул, книга-шифр, книга-мантра. Очень по-женски понятная, очень трогательная, но при этом очень сильная. Эти магические тексты с головой затянут вас в круговорот мыслей, чувств, ощущений, после чего вы откроетесь для самих себя совершенно с другой стороны.

УДК 133.4
ББК 86.42

*Эта книга посвящается
моим родителям, маме и папе,
которые провели меня в этот мир,
и моему брату Антону,
которого я очень люблю.*

Вода и маки

Так называется моя первая книга.

Это мой шифр.

Моя мантра.

Эти слова — моя суть.

Моя женская природа, мой способ проявления в этом мире — Вода.

Моя структура, мой характер, моя форма — Огонь.

Произнося эти слова, вы настраиваетесь на меня, соединяетесь с моим внутренним пространством.

В этой книге будут собраны мои стихи, которые я называю Потоками.

Они приходят, выливаются и текут.

Я не помню их наизусть.

Я не могу их заучивать.

Поток ворвался, пролился и стал жить своей жизнью.

В этой книге будут собраны и мои тексты, каждый из которых родил мой внутренний Огонь.

Это не просто книга. Это книга-оракул. Открывайте на любой странице, подключайтесь, питайтесь, пейте, нюхайте, созерцайте, чувствуйте.

Нет расстояний.

Нет деления.

И если вы захотите, через эту книгу, через эти строчки, водные потоки и всполохи огня мы соединимся, даже если находимся далеко.

Теодор любил Матильду всем сердцем.
Он знал ее наизусть и любил.
А Матильда любила небо.
Внутри ее бледного, фиалкового тела текла не кровь,
а ветер.
А ветер, как известно, всегда стремится вверх.

У них было свое тайное место: поросший полынью и забрызганный синими цветами холм на окраине города. Они приходили туда каждый день, в любую погоду. Теодор обвязывал щиколотку Матильды шерстяной веревкой и затягивал на ней два страховочных узла. Матильда дрожала от предчувствия и трепыхалась, как мотылек на свету.

Когда все было готово, она оставляла на губах Теодора шипящий поцелуй, как будто клеймила его своей любовью, и со всех ног бросалась к вершине. Веревка в руках Теодора разматывалась, но ее конец он держал крепко, стиснув пальцы.

Вскоре он видел Матильду уже на самой верхушке холма. Ее платье раздувалось. Рыжие волосы полыхали на солнце. Она вскидывала руки вверх. Она была готова.

Оттолкнувшись ногой от земли, Матильда взлетала вверх, ловя ветер. словно воздушный змей, она искала поток, чтобы набрать высоту. Спиралями поднималась все выше и выше. Ее платье огромным синим цветком пульсировало в небе, то распуская, то пряча свои лепестки. Теодор слышал смех: звонкий, залихватский и счастливый.

Матильда кружилась в небе волчком.

«Свечой» прорезала лазоревую топь неба, и тогда веревка в руках Теодора натягивалась до предела. А иногда Матильда затихала и плавно парила в воздухе, убаюканная ветром, и Теодору казалось, что в небе, в колыбели из облаков, свернувшись калачиком, спит маленькая девочка.

Наконец уставшая и прохладная Матильда опускалась вниз, а еще через пару минут Теодор уже обнимал ее, завернув в отвороты своего пиджака и сильно прижав к себе. Волосы Матильды были пушистыми, и ему так нравилось гладить их и целовать ее, женщину, которую он знал наизусть.

Женщину, в чьем теле жил ветер.

Исторгнись из меня, огонь.

Испепели.

Обрати в прах.

И прах сожги, чтобы не осталось ни крошки.

Изырнись из меня, гниль.

Затопи все ямы.

Все потаенные уголки.

Выхаркнись из меня, ядовитая слюна, прожигающая самый толстый асфальт и все слои мира.

В руках моих ржавый тесак, заточенный об мой язык.

Я отрезаю им все, что мне противно. Я крошу им на
мелкие кусочки все, что я ненавижу.
Выйди из меня, Кали, разрушающая, не ведающая страха.
Закутанная в грозные облака, ступающая по углям
и головам.
Я тьма.
Я воронка.
Я бездонная пустота.
Я пульсирующий глаз, вырванный из вращающейся
глазницы.
Я сжираю все.
Я сдираю кожу.
Я хохочу, переламывая кости врагов, вырывая их позво-
ночник и раскручивая его как хлыст.
Я необъятна.
Я цунами, не оставляющая в живых даже камней.
От поступи моей взрывается Солнце, а Луна превраща-
ется в пыль.

Семя вмещает в себя все.
Бог, находясь в этом семени, рождает миры и вселенные.
Так посеяно множество, множество семян. Разворачива-
ясь из семени, мир проявляется и разделяется на части,
как и растение: на ветки, веточки, листья, цветы, плоды,
и все это есть в семени и все это есть способ развора-
чивания мира из точки потенциалов.
Триедин Садовник.
Я есть земля.
Я есть семя.
Я есть росток.
И я есть садовник, тот, кто сажает.
Непроявленное — земля.
Проявленное — семя.

Без семени земля — не земля, а просто пустота.
Без земли не прорастет семя.
И только вместе они могут дать жизнь.
Непроявленность соединяется с проявленностью
и в синтезе является безусловностью, абсолютностью.
Иди внутрь себя. Там есть я. И там есть ты. Там есть
все. И найдя все эти части себя и меня, соедини их
в одно.
И ты станешь всем.

Разыщи в себе семя и найди в себе почву, соедини их
и ты станешь великим садовником по имени Жизнь.

Длинный коридор наконец закончился.
В нем оставлено все, чему я благодарна. Прощай, милый
друг. Пусть летят, разрезая воздух, мои алые ленты.
Пусть сыплются на самое дно тяжелые монеты. Пусть
мои слезы поднимут из земли новые ростки. Пусть все
слова, которые я не сказала, перемелются в белую муку,
повар испечет из нее хлеб и раздаст все голодным.
Прощай, милый друг.
Давай праздновать завершение так же, как и встречу.
Бросать в небо шапки и запускать воздушных змеев.
Завершение — это не страшно. Это просто сказать «про-
щай» и «спасибо». Поле вспахано. Семя брошено. Коло-
сья срезаны. Урожай собран.
Я плачу и смеюсь, потому что сегодня свершилось вто-
рое из одиннадцати чудес.
Мельница крутится, но я уже не вижу ее, потому что
перелезла через изгородь и мчу туда, где на горизонте
виднеется синяя полоска моря.

пей губы, пей с кожи,
как кот — молоко с блюда.
смысла в нас все равно нет.
зеркала треснут и разобьются.
пальцы надушенные сотрутся,
оттирая темные отпечатки.
придется на руки надеть перчатки,
чтобы следов никто не заметил.
сломаю голову восемнадцатой сигарете,
без пальто сигану в ночь.
пей губы, пей с кожи
той, с которой вы так похожи.
от меня убери прочь
все цветы, что под ноги я стелила,
изомни в руках,
в облаках похорони.
ни слова больше не говори,
никакие мы не цари,
а всего лишь трусы.
перекусан не красный, а синий провод.
пари проиграно — вот тебе и повод
организовать мне пышные проводы.
силуэты слипшиеся разорваны,
лоскутами висят на замершем проводе,
трепыхаются.
изуродованные поцелуи размазаны по стеклу,
истосковавшиеся по теплу висят, как два сморщенных
синих шарика,
проткнутые длинной спицей,
холодные,
обреченные,
разоблаченные,
уже адресованные другим.
не горит над ними ни одного фонарика,

мимо не пролетает птица.
пей губы, пей с кожи,
как кот — молоко с блюдца.
только тени и остаются
от нас
как результат всех войн и всех революций.
финал — совместная эволюция.
две точки на разных кусках отрезка.
тупиком закончившаяся поездка.

Когда Мартин ушел, от Катерины осталась только одна половина.
Вторая половина, непонятным образом превратившись в маленькую синюю мушку, улетела за Мартином, чтобы остаться с ним навсегда.

Сначала Катерине было непривычно видеть по утрам в зеркале только одну половину своего лица, только одну руку и только одну заплетенную косичку. Но потом она привыкла.

А Мартин понятия не имел, что синяя мушка, которая все время норовила сесть ему на плечо, была половиной оставленной им Катерины, поэтому он постоянно

отмахивался от нее, злился и даже подумывал о мухобойке. Но потом тоже привык. И, став совсем стареньким старичком, даже разговаривал с ней иногда. В его самый последний день только синяя мушка и была с ним, привычно устроившись на плече. Но даже тогда Мартин не догадался, что это половинка его оставленной Катерины.

А что стало с самой Катериной, спросите вы? Об этом мало кто знает. Кажется, она жила половинкой тихо и незаметно и ничего особенного с ней больше никогда не происходило.

С нее сошло уже сто двадцать четыре слоя ненастоящего. Как с луковицы. Слои слезали один за другим. Во время громкого смеха или сильных слез слезали в два счета, но с глубокой, разрывной болью. Во время долгих разговоров в темноте и во время беспричинной грусти — тихо, осторожно, но всегда с риском нарасти опять.

Осталось еще шестьдесят два слоя.

За самым последним должна показаться тонкая изначальная суть. Вздрагивающая и белоснежная. Докопавшись до нее и удостоверившись, что она там есть, можно было начать обратный процесс заворачивания и маскировки.

оставляю тебя с ней,
с той, красивой, чей длинный волос,
словно выющийся черный змей,
а еще расплавленный, хриплый голос

моего намного звучней.
через сердце пророс и цветок, и колос.
я разбила себя об твои льды.
веретенном отравленным укололась,
обернулась собакой седой,
в кусты — бросилась,
язык-гладиолус отрыгнул в белое мою
месть.
стерев лапы, растеряв шерсть
и получив за это свободу,
я с жаждой алкаю свою смерть,
которая стала моим восходом.

на своем горе, словно на перегное,
взошедшая,
я падаю в новое море: соленое, сумасшедшее.
неделимая на соцветия,
я минуты тире столетия нанизываю на судьбы нитку.
пусть наше время ползет улиткой.
хочу теперь засыпать с улыбкой,
приложив к тебе, как к ракушке, ухо,
слушая, как ты дышишь,
глубоко, глухо...

раскинув в стороны свои руки,
я к потолку поднимаюсь, я легче пуха.
но долго нельзя выносить разлуки,
сжимаясь в точку, я собираюсь с духом.

пикирую вниз и падаю, словно в море,
целую твое лицо, родное и спящее.
как ножом, мы будущее вспорем,
а пока нырнем в настоящее.

